

Посвящение

Here, in this book, — a small thing but mine own,
Something about men's little ways is shewn,
Their art, their books, their dress, their vanity,
In briefs a glimpse of past humanity, —
And something of the fruits and flowers grown.
As she tends fruits and flowers with suavity
And mocks men's foibles with gay gravity,
She may find something here to make her own,
Wherefore I dedicate this Book to Joan.

(Здесь, в этой книге, — мелочь, но моя,
Кое-что о людях,
Об их искусстве, их книгах, их одежде и тщеславии,
Отблеск прошлой жизни, —
Немного о фруктах и цветах.
Она ухаживает за фруктами и цветами с учтивостью
И смеется над слабостями с веселой серьезностью,
Пусть она найдет здесь что-нибудь интересное,
Я посвящаю эту книгу Джоан.)

Предисловие

«Взгляни, читатель, вот благонамеренная книга».

Монтень в переводе Флорио.

В этой небольшой книге я попытался нарисовать, так сказать, в миниатюре предмет, для которого было бы недостаточно и гораздо большего холста великого художника. Как иллюстраторы Средневековья изображали целую битву в пределах одной заглавной буквы, помещая всего лишь дюжину маленьких фигурок, изображающих сражающиеся силы, но рисуя эти фигуры тщательно и с тем мастерством, которым они обладали, так и я выбрал несколько фактов, несколько цитат, несколько комментариев, отражающих жизнь великой нации в критический период ее истории; я не щадил труда при составлении картины, какие бы ошибки ни обнаружил критик в пропорциях и перспективе рисунка. В пределах столь малого пространства

любое изображение эпохи Тюдоров должно быть представлено с высоты птичьего полета; и такой вид будет меняться в зависимости от птицы, которая его видит. Ястреб и ласточка видят своими глазами одну и ту же панораму, раскинувшуюся под ними, но в их мозгу отражаются совершенно разные вещи. Кто-то бросит взгляд на Тюдоровскую Англию и составит другую картину, я же стремился показать то, что вижу, в максимально ярких оттенках, останавливаясь не столько на очевидных и широко известных аспектах панорамы, сколько на тех, которые не так хорошо знакомы читателю. Я достиг своей цели, сделав эту картину ясной и реалистичной. И у меня получится убедить некоторых из моих читателей пойти и взглянуть на оригинал; даже если они потом увидят его иначе, я останусь доволен.

*Л. Ф. Зальцман
Кембридж, апрель 1926 года*

Глава I

Дух тюдоровского времени

Эпоха правления Тюдоров, с 1485 по 1603 год, была переходным периодом. Верно, что любое столетие в истории можно назвать переходным периодом, ибо История есть летопись эволюции. Любой путешественник в конце долгого пути оказывается в изменившейся обстановке, но тот, кто садится в Восточный экспресс, за день попадает из Константинополя, с его средневековой атмосферой востока, в Вену, зеркало западной современности. Люди в расцвете сил, когда Генрих VII взошел на трон, видели Ричарда Невилла, 16-го графа Уорика и 6-го графа Солсбери, лорда Моргана и Гламоргана и Хранителя западной марки, который играл в создание и свержение королей¹. Их сыновья видели, как самые знатные головы в Англии падали по приказу сына

¹ За что и получил прозвище «Делатель королей».

кузнеца в пыль, из которой он был поднят королем-деспотом, чтобы на короткое время обрести власть. Сыновья их сыновей видели, как самая надменная и самая своевольная из Тюдоров была вынуждена извиниться перед группой купцов и сельских джентльменов, представителей среднего класса, о существовании которых ее дед едва ли знал. Оглядываясь назад на историю Англии, мы видим, что как раз перед началом эпохи династии Тюдоров центр сцены был занят герцогами и графами с хором вассалов, во втором акте крупные вельможи исчезли, и на сцене остался государь, поддерживаемый своими министрами. Когда пьеса подошла к завершению, монарха неохотно сбросил с подмостков серьезный бородатый джентльмен с книгой и мешками с деньгами, за которым следуют сомкнутые ряды людей, точно таких же, как он сам.

Если посмотреть с другой стороны, нация выросла. Средневековые во многом напоминали детство: довольно очаровательная детская простота мировоззрения — крайности радости и горя, мир, четко раскрашенный черно-белыми тонами, благоговение перед авторитетами церкви в религии, аристократии в политике, Аристотель или Гален, Плиний или Пифагор в науке, ребяческая

- 10 непоследовательность и легкомыслие, любовь к блестящим игрушкам, вроде тех, что относились к игре в Рыцарство. Восемнадцатое столетие имело материальное мировоззрение среднего возраста, признание важности денег, предпочтение солидного комфорта и недоверие к энтузиазму. Возможно, историки будущего будут рассматривать нашу современную неугомонность как неугомонность человека, который видит, что его силы уходят, а старость неизбежна. Что же касается эпохи Тюдоров, то она была отрочеством нации. Эта Англия молодых людей относилась к жизни с отчаянной серьезностью и легкомысленной беспечностью; они беспокоились о своей душе и о душах своих ближних, как беспокоятся только молодые люди, иногда насмехались над Богом и порядочностью, как может насмехаться только молодежь. Это было полнокровное время великих героев и великих злодеев, которые, иногда дублируя роли, резвились на сцене, щеголяли и пели; но песни, которые они пели, были прекрасны, и их чванство было признаком самоуверенной силы, а не блефом хулигана, и если они проявляли мало кротости сердца, им удавалось вырвать свою долю жизни. В начале этого периода нация находилась в стадии подростковой неуклюжести, занятой избавлением от

детских повадок, но еще не готовой мыслить как взрослый человек; более того, она очень пострадала и потеряла достоинство в глазах всей Европы в последней из своих детских шалостей, Войне Алой и Белой роз. Поэтому она нуждалась в опекуне, и нашла его в лице Генриха VII. Хладнокровный, расчетливый и осторожный, он был первым правителем Англии, наделенным даром предвидения, первым, кто проводил последовательную политику, и единственным правителем в Европе, скопившим состояние. Под его личным руководством Англия порвала со старыми традициями и начала свой путь нации лавочников, куда более романтичный, чем путь нации странствующих рыцарей.

Его преемник, Генрих VIII, был самым блестящим и популярным из принцев; высокий и красивый, спортсмен, прекрасный музыкант, лингвист, неплохой теолог и отчасти врач, щедрый и великолепный, он в первую половину своего правления был идеалом англичанина и королем до мозга костей. Хотя по мере того, как его дюймы увеличивались, он превращался скорее в царя зверей, нежели людей, но ему удавалось сохранять уважение и даже привязанность нации, которой он правил с деспотизмом, замаскированным под скрупулезное соблюдение законности.

- 12 Десять гибельных лет правления болезненного мальчика и самой несчастной королевы сделали память о Генрихе VIII ярче в ретроспективе и обеспечили более сердечный прием Елизавете. В Елизавете, «чистой англичанке», чем она хвасталась, нация в зените своего отрочества обрела идеальную любовницу, во имя которой она могла жить или умереть. Во время вступления на престол она и сама была молодой, веселой, бесстрашной, сообразительной и легкомысленной и, главное, женственной, добавляя к величию королевы манящее очарование женщины. Эти качества она сохранила до конца своего долгого царствования, сохраняя сморщенное подобие своей юности при помощи рыжего парика и неукротимой воли. В политике, обладая чисто женским инстинктом, она окружила себя атмосферой лести и создала легенду, которая удостоила ее при жизни тех божественных почестей, которых римские императоры добивались только после смерти. Так лорд Норт² писал епископу Эли³: «Она наш Бог

² Эдвард Норт, 1-й барон Норт (ок. 1504 — 1564) — юрист, политик, адвокат лондонского сити, секретарь парламента, верховный шериф Кембриджшира, член Тайного совета Англии.

³ Ричард Кокс (ок. 1500 — 22 июля 1581) — декан Вестминстера, епископ Эли.

на земле, если и существует совершенство во плоти и крови, то это только Ее Величество».

Свет, падающий на трон, возможно, сиял более ярко в более поздние века, но он никогда не был так сконцентрирован на своей цели, как во времена, когда престол занимали представители династии Тюдоров. Ни в какой другой период нация так не отождествлялась со двором. Корона, которая в течение пятидесяти лет была марионеткой соперничающих фракций, теперь доминировала над ситуацией. Парламент, дискредитированный в глазах народа, практически отказался от своей власти в пользу короля Генриха. Дворяне, игравшие роль мелких князей, стали украшением двора, борясь за благосклонность своего государя. Церковь, противостоявшая самым могущественным королям, утратила свою независимость и опустилась до уровня государственного департамента. Глаза нации были устремлены на государей. Отчасти потому, что глаза или шпионы этих правителей были настороже, чтобы обнаружить всякого, кто косится или бессмысленно смотрит куда-то еще. И, в самом буквальном смысле, зрелище должно было вознаграждаться вниманием. Как императоры Древнего Рима признавали, что зрелища не менее важны, чем хлеб, так и правители

- 14 классического Возрождения в немалой степени были обязаны своей популярностью зрелищам и представлениям. Часть их популярности связана с ними. Правление Генриха VIII в «Хрониках» Холла читается как одна длинная череда рыцарских поединков и турниров, масок и встреч, банкетов и шествий, на которых король был одет в «богатеишие одежды, с золотыми косами, рассыпающимися по красновато-коричневому бархату и переплетенными нитями жемчуга и камней», «одежды из золота и пурпурного атласа» или «пальто из пурпурного бархата, несколько похожее на платье, сплошь расшитое плоским дамасским золотом с небольшим количеством кружева, расшитого тем же золотом... с большими пуговицами из бриллиантов, рубинов и точного жемчуга, его шпага и пояс для меча были украшены камнями, а шляпа его так богато расшита драгоценностями, что немногие люди могут позволить себе подобное». Елизавета, менее опрометчивая в тратах, предоставила подданным устраивать зрелища, но сохраняла такое же великолепие в своих личных украшениях и демонстрировала великолепие народу в частых королевских поездках по всему королевству. Даже Генрих VII, при всей своей традиционной бережливости, содержал великолепный двор, а Мария

унаследовала отцовскую любовь к драгоценностям, и ее одеяния были такими же богатыми, хотя и не столь фантастическими, как у ее сестры Елизаветы.

Принц династии Тюдоров со дня своего рождения был окружен великолепиям. Его колыбель была покрыта малиновым золотым сукном, с золочеными выступами, выгравированным на каждом углу королевским гербом, он лежал под бахромчатым балдахином из малинового дамасского золотого сукна, под алым стеганым одеялом, подбитым горностаем и окаймленным голубым бархатом. На крестины его, одетого в мантию из золоченой ткани и горностая, несла герцогиня, а длинный шлейф нес граф, при свете пламени двухсот факелов. Если ему суждено было дожить до свадьбы или коронации, он представлял собой сверкающий центр пышных церемоний, процессий и застолий, но «если я расскажу, какую плату за труд и усердие требовали портные, вышивальщицы и ювелиры, чтобы сделать и придумать одежду для лордов, дам, рыцарей и оруженосцев, а также для украшения коней, это займет много времени». Затем, когда он умирал, его тело проезжало к месту последнего упокоения в мрачном великолепии на колеснице, запряженной лошадьми, закутанными в черный бархат, при более ярком

16 сиянии факелов, чем при шествии к купели. После смерти великолепный восковой образ короля в царских одеждах лежал на золотом покрове над гробом, окруженный бесчисленным мерцанием свечей, знаменами и плакальщицами в соболях, в то время как хор пел заупокойную службу для души усопшего благородного государя.

От колыбели до могилы эти короли и королевцы сияли в глазах своего народа, купавшегося в отражении их славы. Народ не скупился на дорогостоящее великолепие своих правителей. Их великолепие было роскошью не только Генриха или Елизаветы, но и всей Англии. Более того, эту украшенную драгоценностями одежду носили и мужчины, и женщины. Генрих VIII, возможно, был тираном и хулиганом, а Елизавета могла закрывать глаза на прискорбную распущенность нравов своих придворных, но, по крайней мере, их пороки не были убогими. Короля, слишком пьяного, чтобы стоять, явил собой первый из династии Стюартов. Ведь королю лучше быть прелюбодеем и убийцей, чем слезливым пьяницей. Каковы бы ни были их недостатки, Тюдоры берегли свое достоинство, и сохранили его так хорошо, что им не нужно было отгораживаться и дистанцироваться от своих подданных. Не было более доступных монархов,

чем они. Скрамнейшему крестьянину было гораздо легче поговорить с королевой Елизаветой, чем ныне обычному человеку получить доступ к министру. Самые пышные придворные празднества были доступны для публики, до такой степени, что однажды толпа коснулась священной особы короля Генриха VIII и сорвала все позолоченные украшения, которыми было усыпано его платье, что он воспринял как шутку.

Тем не менее, именно этот король первым принял титул «Величество» и заставил своих дворян обращаться к нему, преклонив колени. От тех, кто мог мечтать о равенстве с короной, требовались самые строгие правила этикета, но в общении с простыми людьми не было необходимости придерживаться этих правил. Точно так же и Генрих VIII считал свое достоинство слишком большим, чтобы добиться блеска от какого-либо брачного союза, и поэтому выбирал себе жен, соответствующих его вкусам, из числа подданных. Непокколебимое достоинство Тюдоров тем более примечательно, когда мы осознаем, что за ними не стояли непрерывные столетия королевского происхождения, как у императора Карла V или, в более поздние года, у Людовика XIV во Франции. Елизавета, последняя из рода, была сомнительно законной внучкой

18 узурпатора⁴, чей дед⁵ был управляющим вдовствующей королевы. Можно было бы ожидать, что они проявят высокомерие выскочек, среди которых невозможно найти более выдающегося примера, чем кардинал Вулси⁶, но их самоуверенность и тактичность позволяли им проявлять вежливость, которой постоянно восхищались иностранные послы. Хотя, если какой-нибудь посол пытался добиться своих целей угрозами, он вскоре встречал сокрушительно откровенный отпор и убеждался в том, что королевская вежливость не была вызвана чувством слабости. Примеру, который подавал государь, неукоснительно следовал двор, а под двором мы подразумеваем то, что теперь называется обществом, класс, дела которого в скучных подробностях освещаются

⁴ Генрих Тюдор (28 января 1457 — 21 апреля 1509) — впоследствии король Англии Генрих VII, первый король из династии Тюдоров.

⁵ Оуэн Тюдор (ок. 1400 — 2 февраля 1461) — уэльсский землевладелец, после смерти Генриха V поступил на службу к его вдове — Екатерине Французской (Екатерине Валуа). Впоследствии они стали любовниками и тайно обвенчались. Его сын — Эдмунд Тюдор был женат на Маргарите Бофорт, а их сын стал королем Генрихом VII.

⁶ Кардинал Томас Вулси (ок. 1473 — 29 ноября 1530) — лорд-канцлер Английского королевства в 1515–1529 годах, архиепископ Йоркский с 1514 года, кардинал с 1515 года, считался самым могущественным человеком в Англии после короля Генриха VIII.

в колонках наиболее респектабельных журналов. Ибо двор, по крайней мере во времена Елизаветы, был средоточием, привлекавшим к себе всех лиц, занимавших достойное положение или имевших неудовлетворенные амбиции. Там были не только представители исторических семей, Толботы⁷, Невиллы⁸ и Говарды⁹, но и все «нувориши», которые стали характерной чертой как шестнадцатого, так и двадцатого века — Дадли¹⁰, Сесилы¹¹, Спенсеры¹², Крейвены¹³ и Верни¹⁴, аккуратно

⁷ Бароны Толбот — английский пэрский титул, существовавший с 1331 года.

⁸ Бароны Невилл — английский пэрский титул, существовавший с 1295 года.

⁹ Говарды — знатный род, представители которого носили ряд титулов английского пэрства. Среди них: граф и герцог Норфолк, граф Суррей, граф Арундел, граф Саффолк, граф Ноттингем, граф Карлайл, граф Беркшир, граф Эффингем.

¹⁰ Бароны Дадли — английский пэрский титул, созданный в 1440 году.

¹¹ Сесилы — знатный английский род, представители которого носили ряд титулов английского пэрства: барон Бёрли, граф Эксетер, граф Солсбери.

¹² Родовой герб Спенсеры получили в 1504 году, а пэрский титул барона Спенсера был создан в 1603 году.

¹³ Наследственный титул графов Крейвенов был создан в системе английского пэрства в 1664 году для Уильяма Кревена, старшего сына сэра Уильяма Кревена — лорда-мэра Лондона в 1610 году.

¹⁴ Возвышение семьи Верни связано с успешной карьерой сэра Ральфа Верни, ставшего лордом-мэром Лондона в 1465 году.

20 экипированные внушительными гербами и чудесными родословными. Снобизм и хвастовство были безудержными, и никоим образом не было легче привлечь внимание, нежели экстравагантностью в одежде. Англичане, мужчины даже в большей степени, чем женщины, славились тем, что следили за каждым новомодным веянием: «Иногда мы следуем моде французов. Иногда в моде испанское. Вскоре после того, как испанская мода начинает сходиться на нет, мы начинаем следовать итальянской моде. Через несколько дней после этого мы устаем от всех мод христианского мира и начинаем перенимать моду турок и сарацин». Так что художник, если он может быть удостоен этого титула, времен Генриха VIII, изображая людей всех других народов в соответствующих костюмах, нарисовал англичанина, стоящего обнаженным с куском ткани и ножницами, неспособным решить, как раскроить свою одежду.

Men Proteus-like resemble every shape,
And like Camelions every colour faine.
Bedawbed with gold like Apuleius Asse
Some princk and pranck it: others, more precise,
Full trick and trim tir'd in the looking-glasse,
With strange apparell doe themselves disguise.
Some covet winged sleeves like Mercurie,
Others, round hose much like to Fortune's wheele
(Noting thereby their owne unconstancie),
Some weare short cloakes, some cloakes that reach
their heele.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru